

That's what I says, Missis Margo, said Spiro. But don'ts you worry. I'll fix'em. I'll scarce them out of the way with my horn. — Spiro really ought to write a dictionary, said Larry (Darrel). Читач не може не відчувати, що в другій репліці прихований зміст, який знаходиться в протиріччі з буквальним значенням висловлення: адже те, що Спіро не зовсім добре володіє англійською мовою ясно з перших же слів, що він вимовляє, а словники це, як правило, відбиток мовних норм. Тому читач не може не зрозуміти, що Ларрі жартує над Спіро, імплікат даного висловлення звучить приблизно так: „Ти настільки разуче перекручуєш англійські слова, що це неодмінно варто зафіксувати в особливому словнику помилок.” У такий спосіб специфіка імпліцитних засобів вираження оцінки полягає в тому, що поряд з оцінним значенням вони виконують так само функцію мовного впливу на слухача. Це виявляється в тому, що реципієнту самому належить активна роль у дешифруванні прихованої інформації. Мовець стимулює розумовну діяльність слухача, спонукає його до пошуку, спрямовує хід його міркувань. Адресат одержує неповну інформацію про який-небудь факт, сам відновлює необхідні значення в ланки.

Література

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // ВЯ.— 1982.— №4.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки.— М., 1985.
3. Головченко Л.В. До питання про імпліцитну номінацію в тексті наукової прози // Синтаксис, семантика прагматика мовних одиниць.— Київ, 1992.
4. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // ВЯ.— 1983.— №6.
5. Конечкая В.П. Контекстуальная обусловленность оценки в высказываниях различного функционального плана // Вопросы английской контекстологии.— Вып.3.— Л., 1990.
6. Никитин М.В. Предел семиотики // ВЯ.— 1997.— №1.
7. Овсянникова Е.В. Основные функции имPLICITных смыслов в высказываниях и текстах: Автореф. дис... канд. филол. наук.— СПб., 1993.
8. Старикова Е.Н. ИмPLICITная предикативность в современном английском языке.— Киев, 1974.
9. Grice H.P. Logic and conversation//Syntax and semantics: Speech acts.— N.Y., L., 1975.

*В.Ф.ПРОХОРОВ,
Г.Г.ПЕРЕСЫПКИНА
г.Белгород*

О СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Последний период развития лингвистики характеризуется особым интересом исследователей к вопросам коммуникации. Эта проблема неизбежно пересекается с вопросами функционирования языковой системы в целом и ее отдельных элементов. Попытка в рамках статьи подтвердить эту констатацию ссылкой на конкретные научные труды выглядела бы поистине „сизифовым трудом”, поскольку пришлось бы апеллировать к

сферам прагматики, теории коммуникации, функциональной грамматик в ее различных модификациях, когнитивистики и др. Поэтому здесь мы ограничимся лишь указанным, весьма кратким, перечнем научных направлений, занимающихся вопросами языковой коммуникации.

Такое положение вполне закономерно. Логика науки такова, что глобальное представление о каком-либо масштабном явлении детализируется путем накопления данных о его структуре, элементах, организующих эту структуру, их функциональных характеристиках. Далее, по мере того, как этот сектор изучения лишается „белых пятен” (естественно, что такое представление отвечает уровню современных обстоятельствам знаний), наука некоторое время, скажем мягко, „переминается с ноги на ногу”, и далее взор ее устремляется снова от частных элементов к их жизнедеятельности в рамках организма (думается, что здесь „жизнедеятельность организма” не будет понята лишь в буквальном смысле). И на этом этапе в поле зрения исследователей оказываются вопросы функциональности, зачастую связанные с построением сложных теоретических моделей, которые всегда находятся под угрозой полного дистанцирования от естества явления. Этот уровень развития может быть обозначен как „ступень конструкторов”. Но так уж устроено сознание человека, что конструкторы более удобны с точки зрения обобщения смежных и родственных явлений, более информативны, более рациональны. Однако перманентное усложнение моделей, в основе которых лежат конструкторы, все-таки искажают объективную оценку явления.

Именно такой генезис познания мы можем обнаружить в науке (в силу обособленности некоторых дисциплин мы можем говорить о науках, тем более, что в настоящее время в лингвистике четко обозначилась тенденция к экспансионизму [Кубрякова, 1994, 14]) о языке.

Одна из основных проблем языкознания — это языковая коммуникация, общение с использованием естественного человеческого языка. Однако, если внимательно присмотреться, например, к работам в области теории речевых актов, лингвистической прагматики и др., нетрудно заметить, что исследователи оперируют, если уж не конструкторами, то эмпирическим материалом письменной речи. И даже если предмет исследования связан с речью устной, то чаще всего материал черпается из письменных источников, как правило, текстов художественно-публицистического стиля. Можно ли в этих условиях говорить о полноценном изучении языковой коммуникации? Вопрос довольно спорный. По крайней мере, однозначный ответ на него дать затруднительно. Конечно, напрашивается сам собой ответ отрицательный. Однако надо иметь в виду, что современные исследования отвечают уровню современных научных представлений, современных возможностей.

Чтобы понять перспективу изучения коммуникации, необходимо об-

ратить свой взор на тот социальный феномен, который мы называем естественным человеческим языком. В рабочем определении, которое и функционирует в науке, язык понимается как естественно сложившаяся и исторически развивающаяся система дискретных знаков, обеспечивающая коммуникативные потребности социума. При этом в качестве основной характеристики выделяется субстанциальность этой системы, привязанность знаков к материальному (звуковому) носителю [БЭСЯ, 1998, 604]. Однако, действительно ли только звуковое воплощение знаков обеспечивает коммуникацию? Вспомним, что „основные центры мимико-соматической деятельности лежат в подкорковых узлах, а именно, с одной стороны, в зрительном бугре..., а с другой стороны, в связанной с ним... стриальной системе” [Бехтерев, 1997, 111]. Выходит, что не слух является первичной основой восприятия сообщения. Выходит, что и зрение играет далеко не последнюю роль. Так можно ли язык как коммуникативный феномен сводить лишь к комбинации звуковых знаков? Разумеется, нет. Не случайно в теории языка специально оговаривается наличие в языковой структуре незнаковых элементов, *фигур* у Л.Ельмслева или *диакритиков* у иных исследователей. Но и это признание не закрывает проблему.

Если кому-то доводилось быть свидетелем профессиональной беседы иностранных рабочих с собеседниками, не владеющими их языком, тот, наверняка, был удивлен эффективностью беседы „разноязычных” коммуникантов. В этой связи не выглядит комичным речевое поведение одного из героев в кинофильмах режиссера А.Рогожкина. Чем же достигался „перлокутивный эффект” собеседников? В первую очередь — жестиком. Отсюда следует, что жест и мимика — не менее эффективные средства общения, чем система семиозиса. В любом общении эти элементы присутствуют. Обязательно присутствуют. И своеобразным связующим звеном паралингвистики, как принято называть эту систему [Потапова, 1997], с семантикой высказывания является интонация, которая изучается просодией как категория лингвистическая. Следовательно, средства паралингвистики столь же важны для коммуникации, как и язык в его нынешнем понимании. Более того, эти средства тоже входят в состав языка как средства общения. Можно встретиться с утверждением, что язык дан человеку не для того, чтобы он „размахивал руками”. Однако подобный пуризм несостоятелен, ибо человек всегда будет улыбаться, удивляться, огорчаться и всегда будет выражать чувства и эмоции мимическими средствами, которые обладают „прагматическим содержанием” [Прохорова, 2000], определяющим ход общения.

Можно несколько отойти от поставленной проблемы и обратиться к коммуникации с использованием искусственного языка, хотя бы на примере „человек — машина”, имея в виду персональный компьютер. Здесь общение осуществляется только на визуальном уровне. Правда, этот тип

коммуникации человека не совсем устраивает, и он сумел разработать программу „говорящая голова”. Однако это сути дела принципиально не меняет: вид головы, ее визуальный образ для человека не менее важен, чем голос. В противном случае можно было бы ограничиться лишь речью машины. Этот метод уже используется в бытовой технике, к примеру, в стиральных машинах, которые подают необходимые команды. Но здесь человек реагирует нажатием кнопок и пр., лишившись возможности вступить с „механизмом” в языковой контакт, лишившись возможности полноценной двусторонней коммуникации. Он лишь следует указаниям, поддерживая исправное функционирование робота. В случае с „говорящей головой” это общение более одушевлено, поскольку виртуальный собеседник зрим и общаться с ним можно даже письменно, что опять-таки указывает на важность визуального восприятия.

Но вернемся к основной теме нашего рассуждения. Мы видим, что визуальный фактор в общении несколько не менее важен, чем акустико-аудитивный. Следовательно он должен обязательно вписываться в модель языковой коммуникации и сопрягаться с семиотическим представлением языка как равноценный элемент системы. Однако для этого потребуются ни много, ни мало — отказаться от традиционного понимания языка как семиотической уровнево-иерархизированной системы, противопоставляемой речи. И здесь следует сделать оговорку. В традиционном виде модель языка оптимально отвечает структуре объекта, необходимого для лингвистического изучения его элементов. Но только в рамках структуры. В философском же понимании язык — это феномен, из которого не может быть исключена речь и паравербальные (или паралингвистические) элементы. Это — единое целое, которое и обеспечивает нормальное языковое общение. Если языковые знаки (вместе с содержательной стороной) по существующему представлению закрепляются за звуковым (здесь нет принципиальной разницы между звуковым и графическим, поскольку при восприятии письменной речи она мнемонически воспроизводится реципиентом) материальным носителем на основе многократно повторяющейся практики, то за комбинациями знаков в речевой последовательности по этой же схеме закрепляется эмоция, всегда выражаемая паралингвистическими средствами.

Если язык как средство коммуникации включает речь и паралингвистические средства, то каким же образом можно смоделировать этот самый сложный объект, доступно представив взаимодействие этих факторов. Думается, что адекватное представление можно получить с использованием методик синергетики. При этом имеется в виду, что „синергетику можно рассматривать как теорию возникновения новых качеств на макроскопическом уровне” [Хакен, 1991, 45]. Генезис гармонизации речи и паравербальных элементов можно представить в виде процесса, модели-

руемого синергичным направлением изучения сложных систем. При этом во внимание принимается то, что „...существует иерархия информационных уровней. На низшем уровне отдельные части системы могут быть источниками информации, которая передается другим частям системы. Передача такой информации может осуществляться между вполне определенными парами элементов или посредством общего носителя. Примером первого способа передачи информации могут служить аксоны — нервные волокна, соединяющие два нейрона; примерами второго — гормоны, выделяемые в кровь, или феромоны, выделяемые в воздух.

Хотя во всех таких случаях обмен информацией первоначально может происходить случайно, со временем между различного рода сигналами возникает конкуренция или кооперация, и в конце концов устанавливается новое коллективное состояние, которое качественно отличается от неупорядоченного, или некоррелированного, состояния, существовавшего прежде.... Состояния отдельных частей системы определяются с помощью принципа подчинения. Но этот же процесс можно описать и по-иному, как некоторое специфическое согласование активности отдельных частей системы или как самоорганизацию. Одновременно с переходом в новое состояние происходит сжатие информации. Информация проявляется на макроскопическом уровне и во многих случаях увеличивает надежность и/или эффективность системы или служит другим целям...

Новый коллективный уровень становится наблюдаемым для внешнего мира...” [Хакен, 1991. 51]. Примерно так осуществляется взаимодействие речевых знаков, интонации высказывания, жестикюляции и мимики коммуникантов. Эта система кооперативна и самоорганизуема. Именно при взаимодействии этих факторов, вернее, при их одновременном действии, возникает новое качество, качество семантической экспликации. Выше мы привели достаточно пространную цитату, но и от следующей, заключительной, удержаться весьма сложно: „...Построение семантики требует высокой степени кооперативности внутри системы и повторного взаимодействия с внешним миром. В этом отношении семантическая информация является не статическим свойством, а процессом, в котором контексты и их соответствие проверяются, усиливаются или отбрасываются снова и снова...” [Хакен, 1991. 52-3].

Литература

1. БЭСЯ: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
2. Бехтерев В.М. Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. — СПб.: Наука, 1997. — 330 с
3. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв.АНРФ. — Серия литературы и языка. — Т.53. — №2. — 1994. — С.3-15.
4. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. — М.: Триада, 1997. — 69 с.
5. Прохорова Т.Н. Прикладная прагматика: Описание системы современного русско-

О.Н.ПРОХОРОВА

г.Белгород

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Современное языкознание характеризуется многообразием научных школ и направлений, некоторые из которых уже имеют свой статус в качестве научной парадигмы, другие же только „дают ростки” или „укореняются”. В связи с последним вслед за Е.С. Кубряковой можно сказать, что „статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный” [Кубрякова, 1995, 228].

Проблема значения практически не выходила из поля зрения лингвистов всех научных парадигм: структурной, генеративной, функциональной лингвистики. И это вполне объясняется словами акад. В.И. Вернадского: „История науки... должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приёмы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперёд, наука не только создаёт новое, но и неизбежно переоценивает старое. пережитое” [Вернадский, 1922, 112].

Действительно, никто не умаляет роль и значимость предшествующих парадигм, которые позволили выкристаллизовать новые подходы в решении сложных задач лингвистики.

Изучение проблемы значения было и остается одной из главных задач в развитии лингвистики. На каждом этапе мысли ставится задача, отвечающая потребностям времени.

Так в рамках лексической семантики важно было установить, как происходят квалификационные процессы (категоризация) в пределах лексического значения — появление разных значений слова с учетом синтагматики предложения и фиксирование этих значений в словаре как ЛСВ. Для более образного понимания различий когнитивной семантики и семантических направлений, предшествовавших ей, можно привести слова Р.Тейлора о различии когнитивной семантики и компонентного анализа. Он отмечает, что, даже используя в своем описании декомпозицию (разло-